

Предеина М.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского

«МОДЕРН», «ПОСТМОДЕРН» И АНТИНОМИЯ

Наше время еще недавно уверенно называли временем «постмодерна», временем осуществившейся толерантности (с элементами иронии или безразличия). «Какой-то метастатический беспорядок!», – писал Бодрийяр, то ли радуясь, то ли ужасаясь. Сегодня, когда ставший привычным беспорядок грозит разродиться порядком, но тоже «метастатическим», (то есть перемещенным, возникшим в результате «метастазирования»), самое время спросить, что перемещается? Это «что» как будто непреходяще, как непреходяще беспокойство, с которым мы переживаем и «модерн», и «постмодерн», и то новое, пока безмянное нечто («пост-постмодерн»?). Забегая вперед, скажу: это «что» – антиномия, но не в кантовском смысле как порождение теоретического разума, а как «схваченная» этим разумом противоречивость самой нашей практики.

Ключевые слова: «модерн», «постмодерн», «метастатический» беспорядок (порядок), антиномия, отчуждение, деятельность.

«Модерн», «постмодерн», etc. – способы вопрошания о мире (действительности, деятельности) и шаблоны ответов на эти вопросы; через них действительность обретает язык, не всегда точный. В метании от «истины» (как элемента «идеологии»: научная истина живет своей жизнью и, скорее, изъята из этих метаний) к «игре» и обратно – от «игры» к «истине» – проступает специфическое отношение человека к своей деятельности; эта деятельность – будь то в форме «игры» или «истины» – вдруг предстает как угрожающе-чуждая. Пора, – бросает клич Деррида, – положить конец «фаллоцентризму и логоцентризму!» [6, с. 19]. И вот «истины» уже не созданы нами, а грозят нам: через них всякого рода системы осуществляют свое «присваивающее господство». Но не тем же ли «присваивающим господством» в отношении нас обладает и бодрийяровский «метастатический беспорядок»? И там, и там мы имеем *разрыв* человека с его деятельностью – с его произведениями (как родового существа), названными, правда, не очень дружелюбно: то «фаллоцентризм и логоцентризм», то «метастатический беспорядок». Этот (и не только этот) разрыв человека с его деятельностью, или *отчуждение* человека от его деятельности, *самоотчуждение деятельности*, при условии, что он (разрыв) выражен понятийно, я и буду именовать – антиномия.

К постановке проблемы «Модерн» и «постмодерн» разделены отношением к антиномиям.

«Модерн» знает, допустим, что прогресс – антиномия. Хорошо-то – хорошо, но плохо;

плохо-то – плохо, но хорошо, или как пишет Маркс: «человеческий прогресс уподобляется тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [8, с. 230]. Но «модерн» знает, или думает, что знает *еще что-то*. Для него антиномия – то, что подлежит «снятию» в *новом* качестве, на новом витке *прогресса*, там, где однажды прогресс утратит свое *не-А*.

«Постмодерн» знает *только* антиномию.

«Может быть, – задается вопросом Бодрийяр, – в каждой системе, в каждом индивидууме заложено тайное стремление избавиться от идеи своего существования, от своей сущности [то есть стремление к самоотчужденной деятельности – *М.П.*] с тем, чтобы обрести способность размножаться и экстраполировать себя во всех направлениях?» [2, с. 12].

Или: «...метастатический беспорядок...» [2, с. 13].

Прогресс есть самоотчужденная деятельность всегда.

Примечание. Самоотчужденная деятельность становится фактом для теологического сознания как антиномия теизм / атеизм. Кант, творец первых антиномий, решает ее в «практическом разуме», волевым усилием выбирая теизм. Маркс же видит «снятие» не просто в «практическом разуме», а в *новом витке практики*: «Но так как для *неотчужденного* человека *вся так называемая всемирная история* есть нечто иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека, то у него есть наглядное, неопровер-

жимое доказательство своего порождения самим собою, процесса своего возникновения. Следовательно, стал практически невозможным вопрос о каком-то чуждом существе, о существе, стоящем над природой и человеком, – вопрос, заключающийся в себе признание несущественности природы и человека. Атеизм, как отрицание этой несущественности, не имеет больше никакого смысла, потому что атеизм является отрицанием бога и утверждает бытие человека именно посредством этого отрицания; но новое неотчужденное состояние уже не нуждается в таком опосредствовании» [11, с. 598]. То есть теоретический спор («практический разум» тоже, по существу, – разум теоретический, только занятый вопросами морали) теизм / атеизм на данном витке практики может длиться бесконечно, как бег по кругу: пока данная практика есть не что иное, как самоотчужденная деятельность, теизм воспроизводит себя. Но на новом витке практики этот же спор уже практически невозможен: у теизма больше нет земных оснований.

Антиномия может не иметь «снятия», но будь у нее «снятие» – оно на новом витке практики. Тогда наш вопрос: есть ли «в сегодня» нечто, что выводит за пределы данной теории и данной практики? Иначе: есть ли такое нечто, с точки зрения которого, наша теория и наша практика есть ограниченность?

Среди антиномий есть те, что находятся на пределе, они еще принадлежат нашей практике (поэтому – антиномии), но уже намечают границы нашей практики – то, что препятствует движению:

– «Индустрия 4.0» снимает проклятие труда: труд больше не заточение, труд больше не тиражирование, труд уже может быть творчеством; **и** «Индустрия 4.0» доводит до предела асимметрию в свободе: капитал «путешествует налегке» (З. Бауман), он достиг той степени свободы от рабочей силы, о которой всегда мечтал;

– «гражданская открытость» ищет выход во всеобщность: тезис «только собственник есть человек» остался в прошлом, теперь «каждый есть человек», никого нельзя дискриминировать; **и** «гражданская открытость» сопротивляется выходу во всеобщность: тезис «только собственник есть человек» де-факто все еще истинный, он обретает голос в, казалось бы, позабытом кличе – «пора элитам восстать против масс!»;

– Я свободен в обособлении от Другого: я могу бросить работу, я могу уехать; **и** я не свободен в изменении условий своей жизни в данной точке, «здесь и сейчас», бегство в надежде на лучшее – единственное, что мне остается.

Антиномия I: «труд/творчество». «Индустрия 4.0»

Во всякого рода «логоцентризмах» и «мета-статических беспорядках» человек отбрасывает не-живую (пугающую его самого) тень на мир: созерцает мертвый (объективированный, вечный) мир и в нем узнает себя. Но чтобы отбросить данную тень, нужно уже быть вещью, иначе: человек становится вещью за пределами познания – в деятельности (где познание лишь момент).

Деятельность – кругооборот, бег по «спирали»: то, что Ильенков описывает формулой «вещь – дело – слово – дело – вещь» [7, с. 193]; или: двойственность – слово и дело, два в одном. В разрыве, отделении одного от другого рождаются пары понятий: производительные силы и формы общения (Маркс); труд и интеракция (Хабермас); проще: инструментальное и коммуникативное действия. (Труд, или целерациональное действие, по Хабермасу – это инструментальное действие плюс рациональный выбор [12, с. 66–67].) В любой паре (какую ни выбрать) одно действие опосредовано орудием, другое – словом.

I – Инструментальное действие. «Но орудие не имеет еще деятельности в себе самом, оно еще косная вещь, – процитируем Гегеля – Нужно еще, чтобы я работал с его помощью. <...> Я экономлю только количественно, все равно натираю себе мозоли. Делание-меня-вещью [курсив мой – М.П.] еще необходимый момент» [4, с. 307]. Иначе, в старом «раб – говорящее орудие» не только цинизм, но также истина: раб – деятель, тот, кто приводит в движение орудие, но в этом акте он не выше, а равен орудию – существует как мускульная сила, двигатель орудия. То, что это – раб, случайно, а вот «говорящее орудие» – необходимо: любой – будь то царь или раб – в инструментальном действии лишь «говорящее орудие». Так орудие обнаруживает свою двойственность: оно делает человека субъектом (ура!) и вещью (увы!), субъектом-вещью.

Орудие плохо тем, что я, трудясь, натираю мозоли. (Мозоли делают меня вещью.) А если орудие станет самодеятельным?

О машинах написано много. Революцию машин обещают что ни год. А теперь точно (?) час ее бьет. Так думает Клаус Шваб, отец-основатель форума в Давосе, – тот, кто в 2016-м предлагает «мировым лидерам» тему: «Четвертая промышленная революция», иначе «Индустрия 4.0». «Новая индустрия, – пишет Шваб, – это слияние технологий, размывание границ между физическими, цифровыми, биологическими средами» [13]. Очень по-бодрийеровски. Проще:

в «Индустрии 3.0» рабочий уже не натирает мозоли, но еще контролирует работу машин, а в «Индустрии 4.0» «умные» машины все делают сами – собирают и обрабатывают информацию, делают выводы и корректируют работу. Все: точный, педантичный «синий воротничок» не нужен. *Воспроизводство* уступает место *творчеству*.

Но: II – Коммуникативное действие. В давно минувшем, а потому уже добром XIX веке Гофман создает новеллу «Песочный человек», имеющую кое-какое отношение к нашему сюжету: у нас только что человек был вещью, теперь вещь (автомат) станет человеком.

Студент Натанаэль отчаянно запутался. Невесту – *живую*, но чуждую романтизму Клару – называет автоматом. А в *автомат* – куклу Олимпию – безумно влюблен: та прилежно слушает его стихи, не зевает, не критикует и лишь вздыхает «Ахах!». Неземная дева! Натанаэль заплатит за ошибку: однажды увидит своего ангела в разобранном виде и сойдет с ума. Нет – автомату, да – человеку. Но все сложнее: почему автомат можно принять за человека?

Полна сарказма мораль новеллы, реакция общества на «историю»: «все почли совершенно недозволительным обманом вместо живого человека контрабандой вводить в *рассудительные благомыслящие* [курсив мой – М.П.] светские собрания за чайным столом деревянную куклу (Олимпия с успехом посещала такие чаепития). <...> Рассказ об автомате глубоко запал всем в душу, и в них вселилась отвратительная недоверчивость к человеческим лицам. Многие влюбленные, дабы совершенно удостовериться, что они пленены не деревянной куклой, требовали от своих возлюбленных, чтобы <...> они не только слушали, но иногда говорили и сами, да так, чтобы их речи и впрямь выражали мысли и чувства [курсив мой – М.П.]» [5, с. 550–551].

Люди принимают автомат за человека, потому что *сами* – автоматы: в рассудительных благомыслящих собраниях не высказывают *живых* мыслей, потому *это* – рассудительные и благомыслящие собрания. В мире филистеров «снят» разрыв человек / автомат: один *заменяем* на другого, нет разницы – суждения каждого предсказуемы. Похоже, парадокс: другой стал вещью в труде, чтобы мы (почтенная публика) были людьми, но раз – и мы в *коммуникации* становимся автоматами (тоже вещью).

Инструментальное действие (конструирование автомата) *взламывает* коммуникацию и обнаруживает ее пустоту. Дьявол не Коппелиус, а обще-

ство за чайным столом – Teeists (слово-каламбур у Гофмана). Автомат-Олимпия остался бы искусной подделкой, *аналогом*, будь у чаепиетистов *живая* коммуникация. К тому же отсутствию «должного быть» подводит «Индустрия 4.0»: рабочие руки хотят (если верить социологам) остаться *эквивалентом* машине потому, что нет коммуникации для их языков (или у рук нет языков для коммуникации).

Антиномия II: «bourgeois/citoyen». «Масса»

«Гражданская открытость» начинается с тождества «только bourgeois (бюргер) есть citoyen (гражданин)». И в этом тождестве (как в любом *движущемся* тождестве) есть противоречие: citoyen – нечто *всеобщее*, то, что выводит за пределы сословий, существует *вне* частной ограниченности, как *открытость*; bourgeois – *частное*, то, что очерчивает *границы*, замыкает открытость в *закрытости*. «Пока интерес бюргерского класса идентифицируется как *всеобщий*, – пишет Хабермас, – открытость [бюргерская открытость – М.П.] воспринимается как открытость «вообще». По мере разрушения этой идентификации открытость переходит в *закрытость*» [3, с. 133–134].

Bourgeois (=citoyen) – последнее *политическое* выражение различий; ценз – последняя *политическая* форма признания частной собственности [9]. В «старом» (*до-буржуазном*) обществе любое *различие* – будь то профессия или религия – создает *политическую* группу: миряне / клирики, гугеноты / католики, шииты / сунниты – *политические* партии (и уж потом: профессиональные группы, кружки по интересам).

Великая Французская Революция в одном акте утверждает и ничтожит bourgeois=citoyen: в ней выражен *частный* интерес бюргера, и она же творит государство как *общее* дело. «Государство на свой лад, – пишет Маркс, – упраздняет различия происхождения, сословия, образования, профессии, когда объявляет <их> *неполитическими* различиями, провозглашает, не обращая внимания на эти различия, каждого человека *равноправным* участником народного суверенитета <...> Несмотря на все это, государство позволяет частной собственности, образованию, профессии *действовать* *свойственным* им способом и проявлять их *особую* сущность в качестве частной собственности, образования, профессии. Весьма далекое от того, чтобы упразднить все эти *фактические* различия, государство существует лишь при условии, что эти различия существуют, государство чувствует себя *политическим* государством и осуществляет свою *всеобщность* лишь в противо-

положность к этим своим элементам» [9, с. 390].

Границы «публики» расширяются: *все* читают, *все* голосуют. Место *избранной* «резонерствующей публики» теперь занято массой, – сетует Хабермас [3]. В гимн всеобщности пробиваются фальшивые ноты: элиты клянут массы, массы – элиты. (После Brexit и Трампа «демократические» публицисты много писали на тему: «Пора элитам восстать против масс!» [14].) Всеобщность политического государства существует в *противоположность* фактическим различиям; это – *негативная* всеобщность, которая *не* дает политически объединяться по различиям, но *не* объединяет поверх различий; это – всеобщность для всех и ни для кого.

Bourgeois/citoyen по-прежнему образуют стороны противоречия. Де-юре все равны, все «граждане государства», но *только* де-юре. Де-факто «публика» (элита) отнюдь не ничтожится: если нет *политической* партии элиты (в противоположность партии не-элиты), то лишь потому, что *все* партии – это *ее* партии. Пресловутая победа Трампа – не «восстание масс»: Трамп умело продельывает фокус, превращая недовольство «синих воротничков» в голоса. Так же, как Клинтон трансформирует протест «черных» в свою пользу. Не будь политической всеобщности, этот метаморфоз был бы невозможен. Восстань элиты против масс, произойди политическое обособление, активисты движения «Жизни черных имеют значение» и миллиардер Уоррен Баффетт, вряд ли, отдали бы свои голоса *одному* человеку. Пока существует *политическое* неравенство (citoyen=белый), есть вера в то, что равенство вводят декретом. Когда же citoyen – *каждый*, не-белый – президент, а равенства в частной жизни нет, то *что* тогда? Не-равенство в частной жизни рождает предчувствие «восстания масс».

Пример. В США избрание Обамы создает концепт «пострасового общества», но Фергюсон этот концепт разрушает. Фергюсон стал известен бунтом «черных», вызванным «необъективностью» полиции, системой штрафов – к примеру, штраф за неподстриженный газон или манеру ходить вдоль проезжей части – причем 95% оштрафованных были афроамериканцы (выпуск CNN от 10.08.2015).

Гражданская «религия» (политическая всеобщность) так же уязвима для критики, как религия ex professo (допустим, христианская всеобщность). Вопрос в том, можно ли *политическими* средствами сделать больше того, что сделано. Пока *политическое* равенство сосуществует

с *частным* не-равенством, а государство служит формой выражения этой антиномии.

Антиномия III: Я/Другой. Вместо заключения

Эти антиномии-тенденции сходятся в одной точке – союз с Другим как условие свободы, то, без чего невозможно *изменять* жизнь, будь то в индустрии или «формах общения»: «Существует широкая и растущая брешь, – пишет об этом Бауман, – между общественным положением людей де-юре и их возможностями стать индивидуумами де-факто, то есть управлять своей судьбой и выбирать варианты, которых они действительно желают. <...> Эта брешь не может быть закрыта только индивидуальными усилиями – средствами и ресурсами, доступными в пределах самостоятельной жизненной политики. Перекрытие этой бреши – вопрос Политики с большой буквы» [1, с. 47].

Одно «но»: Политика с большой буквы не может быть старой политикой, шире, искомый союз с Другим – старым союзом.

Самоотчужденная деятельность имеет своих субъектов, она проявляет себя в *отношении* меня к другому; *здесь* я решаю двуединую задачу: как превратить другого в *средство* достижения *моих* целей, и как самому не стать средством для другого – использовать, не будучи используемым. *Это* – не-человеческая «форма общения».

Поэтому *первым* побуждением гуманизма является выход из всех «форм общения»: я не позволяю использовать себя, и я не использую других; я не делаю другому того, чего не хочу, чтобы он делал мне. Это – гуманизм Сартра, а еще раньше – богов Эпикура. Но это – гуманизм *абстрактной единичности*, той, что достигает свободы, *уклоняясь* от противостоящего ей наличного бытия. «Абстрактная единичность есть свобода от наличного бытия, а не свобода в этом бытии» [10, с. 54]. То, что такая свобода есть *ограниченность*, проясняется, стоит наличному бытию нарушить нейтралитет в отношении моей свободы.

Именно ограниченность абстрактной свободы заставляет меня искать союза с другим. Но в поисках этого союза я не могу забыть то, что узнал, как абстрактная единичность, иначе: союз *уже* не может быть основан на чьей-то жертве; я ищу *человеческого* союза.

Моя абстрактная единичность снимается не в союзе in abstracto, а в союзе, в котором моя потребность в другом стала *человеческой* потребностью, я нуждаюсь в другом не как в средстве, а как в *человеке*, и соответственно другой также нуждается во мне. Но *это* отношение *уже* не может быть проявлением самоотчужденной деятельности.

Иначе, мой союз с другим как условие снятия *тельности присвоения*, той *новой* деятельности, антиномий может быть *только* проявлением дея- которая есть негацией отчуждения.

Список литературы:

1. Бауман З. Текучая современность. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. 257 с.
3. Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості; пер. з нім. А. Онишко. Львів: Літопис, 2000. 317 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия. Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Работы разных лет: в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 287–385.
5. Гофман Э.Т.А. Песочный человек; пер. с нем. Житейские воззрения кота Мурра. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1967. С. 522–553.
6. Деррида Ж. Тимпан; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. С. 9–23.
7. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
8. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. с нем. Сочинения. Издание второе. Т. 9. М.: Политиздат, 1957. С. 224–230.
9. Маркс К.К еврейскому вопросу; пер. с нем. Сочинения. Издание второе. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 382–413.
10. Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура; пер. с нем. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 17–98.
11. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. с нем. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 517–642.
12. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология»; пер. с нем. М.: Праксис, 2007. 208 с.
13. Schwab Klaus. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum (January 11, 2016). 199 p.
14. Traub James Its time for the elites to rise up against ignorant masses. Foreign Policy от 28.06.2016. URL: <http://foreignpolicy.com/2016/06/28/its-time-for-the-elites-to-rise-up-against-ignorant-masses-trump-2016-brexit>.

«МОДЕРН», «ПОСТМОДЕРН» ТА АНТИНОМІЯ

Наш час нещодавно впевнено називали часом постмодерну, часом, коли здійснилась толерантність (нехай не лише з елементами іронії, але й байдужості). «Якісь метастатичний безлад!», – писав Бодрийяр; він чи радів цьому, чи жахався. Сьогодні, коли вже знайомий нам безлад обіцяє розродитись порядком, але також «метастатичним» (переміщенням, тобто тим, що виник в наслідок «метастазування»), саме час запитати, що переміщується? Це «що» здається неминуючим, як неминуюча занепокоєність, з котрою ми переживаємо й «модерн», й «постмодерн», й щось нове – те, що поки не має назви. Це «що» – антиномія, але не в розумінні Канта (як творіння нашого теоретичного розуму), а як те, що притаманне саме нашій практиці.

Ключові слова: «модерн», «постмодерн», «метастатичний» безлад (лад), антиномія, відчуження, діяльність.

"MODERN", "POSTMODERN" AND ANINOMY

Our time has recently been called "postmodern". It was a time when tolerance became real (although with elements of irony and indifference). Baudrillard wrote that this is a "metastatic" disorder. He was either happy with this, or was terrified. Today this disorder promises to turn into an order, but this order is also "metastatic" (that is, the one that arose as a result of displacement, "metastasis"). It's time to ask a question, what is moving? This "what" seems eternal, how eternal is the anxiety with which we are experiencing both "modern", and "postmodern", and "post-postmodern". This is antinomy, contradiction of the practice itself. Self-alienated activity has its subjects, it manifests itself in relation to me; here I am solving a twofold problem: how to turn the other into a means to achieve my goals, and how not to become a means for the other myself – to use without being used. This is a non-human "form of communication". Therefore, the first impulse of humanism is to get out of all "forms of communication": I do not allow myself to be used, and I do not use others; I do not do to another what I do not want him to do to me. It is the limitation of abstract freedom that makes me seek union with another. But in search of this union I cannot forget what I learned as an abstract singularity, otherwise: the union can no longer be based on someone's sacrifice; I'm looking for a human union. My abstract singularity is removed not in the union in abstracto, but in the union in which my need for another has become a human need, I need the other not as a means, but as a person, and, accordingly, another also needs me. But this attitude can no longer be a manifestation of self-alienated activity. Otherwise, my union with the other as a condition for the removal of antinomies can only be a manifestation of the activity of appropriation, that new activity that is the negation of alienation.

Kew words: "modern", "postmodern", "metastatic" disorder (order), antinomy, alienation, activity.